

Светлана Родина

Золушка.

ПУНКТ ВЫДАЧИ
ОЖИДАНИЙ

Светлана Родина

Золушка. Пункт выдачи ожиданий

«Автор»

2026

Родина С.

Золушка. Пункт выдачи ожиданий / С. Родина — «Автор», 2026

Марине пятьдесят пять. В пункте выдачи заказов она знает, что делать с любой посылкой: принять, выдать, оформить возврат. С чужими ожиданиями всё сложнее — их почему-то не принимают обратно. Мать с деменцией нуждается в ней. Взрослая дочь требует ответов за прошлое. Мужчина, с которым прожито десять лет, привык, что Марина справится. И она справляется — платит, решает, уступает, тащит. Пока однажды не замечает: каждому в её жизни давно выдано то, что ему нужно. Кроме неё самой. «Золушка. Пункт выдачи ожиданий» — роман о женщине, которая в пятьдесят пять впервые перестаёт автоматически выдавать другим то, чего они от неё ждут. И проверяет, что произойдёт, если однажды чужой заказ останется невыданным.

Содержание

Светлана Родина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Родина

Золушка. Пункт выдачи ожиданий

Светлана Родина

Золушка

Пункт выдачи ожиданий

Глава 1.

Получать будете?

— Получать будете?

Женщина подошла к стойке, но телефон не протянула. Держала экраном к себе, большим пальцем закрыв нижнюю строку.

— Не знаю. Это от матери.

Марина ждала кода. Женщина смотрела мимо неё — на серую дверь склада.

За спиной уже переступал с ноги на ногу мужчина с большой коробкой. Следом вошла девушка в белых наушниках, заметила очередь и осталась у входа, как будто близость к двери давала право уйти первой.

— Покажите код, пожалуйста.

Вместо этого женщина убрала телефон в карман.

— А можно сначала посмотреть, что внутри?

— До получения вскрыть посылку нельзя.

— Даже коробку не принесёте?

— Принесу. Покажите код.

Женщина снова достала телефон. Он завибрировал. Она посмотрела на экран, сбросила вызов, открыла уведомление о личной отправке и повернула телефон к Марине.

Синяя кнопка на секунду потеряла края. Марина моргнула, считала код и ушла на склад.

Вернулась с небольшой коричневой коробкой и поставила её на стойку.

— Значит, сначала забрать, а потом уже смотреть?

Марина посмотрела на неё внимательнее.

За спиной нетерпеливо вздохнул мужчина. Она не обернулась.

— Вы можете отказаться. Тогда посылка останется здесь и уедет обратно.

Женщина провела пальцем по краю чехла.

— Если заберу, она решит, что я согласилась.

— Срок хранения ещё не закончился. Подумайте.

— Я потом приду.

— Хорошо.

У двери женщина задержалась:

— Она не узнает, что я приходила?

— Нет. Вы ничего не получили.

Женщина кивнула и вышла.

Марина отнесла коробку обратно на склад.

Мужчина поднял коробку с пола.

— Теперь я?

Дно держалось на одной полоске скотча.

— Если донесём.

— Она целая была. Это уже в машине, — объяснил мужчина.

Пока он говорил, Марина проклеила дно и оформила возврат.

— Вот видите, — сказал он. — Ничего страшного.

— Уже нет.

До обеда ПВЗ не пустовал. Коды, ещё минуту назад находившиеся у всех, исчезали у стойки; дети занимали пуф и объявляли его своей собственностью; один пакет, по словам владельца, раскрылся сам. Марина молча заклеила его и приняла возврат. Марина такие смены любила. В детстве её часто называли Золушкой: Марина почему-то действительно любила, когда вокруг было много дел и можно было всё сделать самой.

Около двух дня Марина закрыла дверь на технический перерыв. В списке приёмки оставались три позиции — работы на пять минут.

Марина открыла первую позицию. Белый фон ударил по глазам. Строки дрогнули, цифры потеряли края. Она моргнула, придвинулась к экрану и протёрла очки. На правом стекле остался след от салфетки; пришлось протереть ещё раз.

Текст не изменился.

Она увеличила страницу. Теперь цифры можно было разобрать, хотя чётче они не стали.

Закипел чайник. Марина закончила приёмку, залила пакетик водой и только тогда заметила, что щурится. В помещении было душно, а холодные лампы над стойкой били прямо в глаза. Одну линию она выключила. Стало легче.

Значит, лампы. Плюс устала.

После перерыва снова пошли посетители, и думать об этом стало некогда. На экран Марина смотрела коротко: код, номер ячейки, подтверждение. Всё остальное она и без подсказок знала — где лежат длинные коробки, куда курьер поставил тяжёлые, под каким пакетом спрятался маленький заказ, который искали со вчерашнего дня.

Перед закрытием приехал курьер. Пока он заносил мешки, Марина освобождала нижние полки. Посылка от матери стояла там же, белой наклейкой наружу.

Ниже служебной этикетки тянулась ещё одна узкая светлая полоска. Марина сощурилась: на ней будто было написано «ДОМОЙ». Моргнула — слово распалось вместе с остальным мелким текстом. Значит, глаз.

Чтобы освободить край полки для новых мешков, коробку пришлось задвинуть к стене.

Когда курьер ушёл, Марина заперла дверь и села закрывать смену.

На этот раз увеличение не помогло. Цифры расплылись в серые палочки; некоторые почти исчезли на белом фоне. Марина наклонилась к монитору, потом отодвинулась. Разницы не было.

Стойку она видела. Принтер тоже. На складе различала коробки на верхних полках и чёрную ручку стремянки у стены. А отчёт приходилось читать, ведя курсором по каждой строке.

Закончив, Марина выключила компьютер и достала телефон. Крупные цифры времени читались нормально.

До утра можно было не разбираться.

Глава 2.

Ипотека без квартиры

Утром телефон напомнил Марине о платеже за пансионат, хотя напоминание давно стало лишним: сумму — больше шестидесяти тысяч в этом полугодии — она переводила в одни и те же числа пятый год подряд.

Сумму на экране она увидела хорошо: крупные цифры не расплывались, имя получателя тоже читалось без труда. Мелкая строка назначения платежа давалась хуже, но там всё равно менялся только месяц.

Марина вписала фамилию матери, проверила сумму и нажала «Перевести». Банк попросил подтверждение, потом показал зелёную галочку, и на ближайшие четыре недели этот вопрос был закрыт.

Она позвонила в пансионат.

— Доброе утро, Марина Сергеевна. Оплату вижу, всё пришло.

— Семьдесят?

— Да, полностью.

Марина подошла к окну. Во дворе мусоровоз пытался разъехаться с машиной, брошенной поперёк проезда.

— Как мама сегодня?

— Ночь спокойно. Утром опять домой собиралась, переживала, что дверь открыта.

— Ела?

— Кашу почти всю, чай выпила, лекарства тоже приняли.

Марина помедлила.

— Узнаёт кого-нибудь? Агрессирует, ругается?

Администратор ответила не сразу.

— Нет. По состоянию без изменений.

— Понятно.

— И договор у нас продлился автоматически. От вас ничего больше не нужно. Решение суда в деле есть.

— Мытищинского?

— Да.

— Хорошо. Я два года этого решения добивалась. Пусть хоть где-нибудь работает.

Администратор засмеялась.

Марина попрощалась и положила телефон на стол.

На кухню вошёл Андрей — уже в брюках, но без рубашки, с телефоном в руке.

— Ты мою тёмно-синюю не видела?

— В шкафу посмотри.

— Я смотрел.

— Посмотри ещё раз.

Через минуту из комнаты донеслось:

— Тут нет.

Марина всё-таки пошла следом. Тёмно-синяя рубашка висела второй от края.

Она показала на неё.

— Ну вот, — сказал Андрей. — Значит, нашлась.

На кухне Марина достала из холодильника творог и попыталась рассмотреть срок годности. Цифры пришлось поднести ближе, потом ещё немного ближе.

Андрей остановился рядом.

— Дай сюда.

— Зачем?

— Потому что ты сейчас творог глазами понюхаешь.

Она протянула упаковку.

— До шестнадцатого.

— Нормально.

Он положил творог на стол и посмотрел на неё внимательнее.

— Что со зрением?

— Вчера на работе монитор опять расплывался. Мелкое плохо видно.

— Давно?

— Несколько недель как заметила.

— Голова болит?

— Нет.

— Давление мерил?

— Нет.

— Один глаз или оба?

Марина повернулась к нему.

— Откуда я знаю?

— Ты проверяла?

— Нет. Я глазами обычно вместе пользуюсь.

Андрей взял телефон.

— Сейчас позвоню.

— Куда?

— В клинику.

— Андрей, не надо устраивать спасательную операцию. Я собиралась сегодня разобратся.

— Когда?

— После работы.

Он посмотрел на неё.

— То есть сначала восемь часов в экран?

— Я вижу экран.

— Ты дату на твороге не увидела.

— Там мелко написано.

Андрей уже искал номер.

— Мне не нужна сейчас кампания «Спасём Марину».

— Мне тоже. Кампания дорогая, бюджета нет. Мне нужен врач, который посмотрит тебе глаз.

Ему ответили почти сразу. Домашняя раздражённость исчезла из голоса Андрея так быстро, словно он переключил не собеседника, а режим.

— Добрый день. Подскажите, пожалуйста, офтальмолог сегодня принимает? Да, ситуация такая: зрение сильно стало хуже, особенно на близком расстоянии... Нет, травмы не было.

Он прикрыл телефон ладонью.

— Всё-таки один глаз или оба?

— Я не проверяла.

Андрей снова заговорил в трубку:

— Она не проверяла. Да, понимаю.

Свободное окно оказалось меньше чем через час.

— Если сейчас выйдем, успеем.

— Я сама доеду.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты собираешься?

— Хочу поехать с тобой.

Марина открыла рабочий чат, чтобы предупредить о задержке. Мелкие буквы снова поплыли, и она увеличила изображение двумя пальцами.

Андрей заметил, но ничего не сказал.

Она написала, что опоздает на смену, убрала телефон в сумку и пошла одеваться.

В клинике пахло антисептиком, кофе из автомата и мокрыми куртками. У кабинета сидели четыре человека. Андрей устроился рядом и почти сразу полез в телефон; сообщения приходили одно за другим, он отвечал быстро, иногда начинал печатать, стирал и диктовал голосом.

Марина выдержала несколько минут.

— Можешь звук выключить?

— Конечно.

Телефон замолчал, хотя Андрей продолжал смотреть на экран.

— Если тебе надо работать, езжай.

— Мне не надо ехать.

— Я нормально сама дойду до кабинета.

— Я знаю.

— Тогда зачем сидишь?

Он убрал телефон в карман.

— Потому что я хочу остаться.

Марина посмотрела на него, но в этот момент открылась дверь и назвали её фамилию.

Врач спросил, когда ухудшилось зрение.

— Несколько недель как стало тяжело читать с компьютера. Сегодня мелкий текст тоже расплывается.

— Резко?

Марина задумалась.

— Нет, по-моему.

— До этого ничего?

— Не обращала внимания.

Он записал что-то в карту.

— Очки снимите.

Марина положила их на стол.

— Закройте правый глаз.

Она прикрыла его ладонью.

Кабинет остался кабинетом: светлая стена, таблица, монитор, белый халат врача. Без очков всё выглядело мягче, но предметы не исчезали, и лицо человека напротив оставалось лицом.

— Теперь левый.

Марина поменяла руку.

Сначала ей показалось, что она просто не успела сфокусироваться. Она моргнула, плотнее прикрыла глаз ладонью и посмотрела ещё раз.

Кабинет исчез.

Не совсем: окно осталось светлым прямоугольником, халат врача — большим белёсым пятном, стол угадывался по тёмному краю. Всё остальное смешалось, словно между глазом и комнатой кто-то натянул тонкий мятый пластиковый пакет. Очертания ещё существовали, но лиц, букв и деталей за ним больше не было.

— Пальцы видите?

Перед ней что-то шевельнулось.

— Нет.

— Свет?

Врач включил лампу, и пятна сразу побелели. Когда выключил, они потемнели.

— Свет вижу.

— Откройте оба глаза.

Марина убрала руку, и комната мгновенно собралась обратно: появился стол, лицо врача, таблица на стене, складка на его рукаве.

От этого стало страшнее.

Врач посмотрел в карту.

— Давно так?

Вчера она заметила, что монитор расплывается. Когда именно один глаз перестал различать лицо человека напротив, она не знала.

— Не знаю.

Врач подвинул к ней аппарат.

— Подбородок сюда. Лоб прижмите. Постарайтесь не моргать.

Свет оказался ярким и неприятным. Врач долго рассматривал глаз, просил смотреть вверх, вниз, вправо, снова включал лампу, что-то записывал и только потом отодвинул прибор.

— Катаракта. Хрусталик мутный и набухший.

— Если он продолжит набухать, может перекрыть отток жидкости и резко поднять давление.

Марина надела очки.

— Что теперь делать?

— Оперировать.

— Когда?

— Откладывать нельзя. В вашем случае я бы уложился в ближайшие две недели.

Она посмотрела на него.

— Две недели — это прямо две недели?

— Я бы не выходил за этот срок.

— А если позже?

Врач закрыл карту, поднял глаза и ответил без изменения интонации:

— При резком подъёме давления можно необратимо потерять зрение.

Глава 3.

Две недели

Фраза врача оказалась неудобной прежде всего тем, что с ней нельзя было ничего сделать.

Марина умела обращаться со сроками. Если срок существовал, его можно было записать, разбить на дни, найти деньги, поменять смену, позвонить нужному человеку. Две недели были сроком. «Можно потерять зрение» — нет.

Поэтому к вечеру она оставила вторую часть разговора врачу, а себе забрала первую.

Четырнадцать дней.

На кухонном столе стоял ноутбук Андрея, рядом лежали два телефона и блокнот, в котором Марина уже выписала варианты. В поликлинике ей подтвердили, что операцию можно сделать по ОМС, но на вопрос, попадёт ли она на неё в ближайшие две недели, женщина в регистратуре сначала попросила подождать, потом куда-то звонила и наконец сказала:

— Мы не можем гарантировать дату.

— А примерно?

— Примерно тем более.

Марина положила трубку и записала рядом с «ОМС»: срока нет.

Андрей сидел напротив и не вмешивался, пока Марина обзванивала варианты.

— Платно сколько? — спросил он.

— Сейчас узнаем.

Первую клинику Марина отмела через три минуты после того, как услышала цену. Во второй сумма оказалась чуть ниже, зато отдельно считались обследование, линза и ещё несколько позиций, и к концу разговора разница почти исчезла.

— Не получается.

— Совсем?

— Если не платить пансионат — можно.

Андрей поднял глаза.

— Это не вариант.

— Поэтому я и сказала «нет».

Она открыла банковское приложение. После вчерашнего перевода матери остаток выглядел значительно скромнее, чем утром, хотя за день Марина ничего не покупала. Иногда деньги исчезали ещё до расходов — достаточно было одновременно вспомнить обо всём, за что предстоит заплатить.

На отдельном счёте лежали сбережения. Небольшие, но настоящие. Марина откладывала их без определённой цели: на холодильник, стоматолога или любую другую неприятность, которую невозможно заранее вписать в бюджет.

— Этого мало, — сказал Андрей.

— Я вижу.

— Неудачная формулировка.

— Даже не начинай.

— Молчу.

Он действительно замолчал, а она открыла ещё одну вкладку.

К ночи они дошли до предложений клиник в Казани.

Клинику Марина нашла среди нескольких вариантов, которые сначала даже не собиралась рассматривать. Цена операции была заметно ниже московской. Она дважды пересчитала дорогу, обследование, проживание и лекарства, потом проверила ещё раз, не забыто ли что-нибудь очевидное; даже с поездкой получалось дешевле.

Марина позвонила.

Женщина на том конце уточнила диагноз, попросила прислать заключение врача и результаты тех обследований, которые уже были на руках. Через некоторое время перезвонила.

— На обследование можем записать вас через четыре дня.

Марина посмотрела на календарь.

— А операция?

— Сначала вас должен посмотреть хирург. Если по результатам обследования подтвердит операцию, ближайшая дата будет примерно через неделю.

Марина провела пальцем по календарю: от сегодняшнего дня до предполагаемой операции получалось одиннадцать дней.

— То есть в две недели укладываемся?

— По срокам — да. Но окончательно дату назначит хирург после осмотра.

Марина записала день обследования и рядом, карандашом, поставила ещё одну дату — через неделю, пока без подписи.

Андрей дождался, когда она закончила разговор.

— Что сказали?

— Через четыре дня обследование. Если хирург берёт, примерно через неделю операция.

— Укладываемся?

— Впритык.

— Значит, едешь.

— Сначала деньги.

— Сколько не хватает? — спросил Андрей, придвигая к себе блокнот.

Марина вернула его на свою половину стола.

— Я сама посчитаю.

— Я не отнимаю у тебя калькулятор. Сколько?

Она назвала сумму.

Андрей несколько секунд смотрел в телефон, затем открыл банковское приложение.

— У меня на следующей неделе должен быть аванс за дополнительный проект. Попрошу сегодня.

— Не надо.

- Почему?
- Потому что это твои деньги.
- А глаз чей?
- Очень смешно.
- Я не шучу.

Марина снова посмотрела на расчёты. Если взять сбережения, останется сумма, которой хватит на дорогу и часть лечения. Ещё был кредитный лимит, к которому она старалась не прикасаться: долг особенно раздражал, когда заранее знаешь, из каких денег будешь его отдавать, но самих этих денег ещё нет.

Отдельно лежали семьдесят тысяч на следующий платёж за пансионат — эту сумму Марина в расчёты не включала.

- Андрей заметил строку.
- А это?
 - Следующий платёж маме.
 - Понятно.

Он не предложил взять оттуда. Марина ничего не сказала, только перелистнула страницу. Андрей открыл переписку с клиентом.

- Что ты делаешь?
- Прошу аванс.
- Я сказала не надо.
- Я услышал.
- Тогда зачем?

Он поднял глаза.

- Потому что твоих денег не хватает.
- Я могу взять больше с кредитки.
- Можешь. Но возьмишь меньше.
- Андрей, у тебя самого денег вечно нет.

— Не вечно. Иногда они бывают минут пятнадцать между поступлением и обязательствами.

Возразить было трудно: свою финансовую модель он изложил довольно точно.

Через час клиент ответил. Аванс согласовали.

К полуночи схема сложилась: часть суммы Марина брала из сбережений, часть — с кредитного лимита, остальное закрывал Андрей из аванса. Деньги на следующий месяц пансионата оставались нетронутыми.

Теперь надо было решить, что делать между обследованием и возможной операцией.

Лететь в Казань, проходить осмотр, возвращаться домой и через несколько дней снова покупать билеты Марина не хотела. Две дороги съедали часть разницы, ради которой они вообще искали клинику в другом городе, а главное — оставляли слишком много мест, где что-нибудь могло пойти не по плану.

- Я останусь там, — сказала она.
- На неделю?
- Если хирург назначит операцию.

Андрей развернул к себе ноутбук.

- Тогда гостиница.
- Недорогая.
- Я даже не успел предложить дорогую.

Они открыли карту вокруг клиники. Марина сразу убрала варианты, откуда пришлось бы ехать с пересадкой, потом те, где цена выглядела хорошо только до момента, когда к ней

прибавлялись сборки. В одном месте фотографии номера начинались с люстры и заканчивались крупным планом полотенец, но кровать почему-то ни разу не попадала в кадр.

— Уже тревожно, — сказал Андрей.

— Следующий.

Наконец нашёлся небольшой отель в нескольких кварталах от клиники. Без завтрака, зато с отдельной ванной и возможностью отменить бронь, если хирург после обследования изменит план.

Марина посмотрела общую сумму.

— Берём.

— Это я хотел сказать.

— Ты слишком долго думал.

Она забронировала номер начиная с вечера перед обследованием. Последнюю ночь поставила с запасом после предполагаемой даты операции: если хирург назначит другой день, бронь можно будет изменить.

Подтверждение пришло почти сразу.

Теперь в телефоне были адрес клиники и подтверждение брони. В блокноте — деньги, даты и список документов.

Утром Марина купила два билета и написала на работе, какие смены нужно закрыть. Потом достала прозрачную папку и сложила туда паспорт, полис, заключение врача и результаты обследований.

Каждый документ она проверяла дважды, хотя прекрасно знала, что положила его туда минуту назад.

Андрей из комнаты спросил:

— Зарядку положила?

— Нет ещё.

— Я свою возьму запасную.

— Не надо. У меня есть.

— Где?

Марина подняла голову.

— Андрей, если ты сейчас потеряешь мою зарядку, я поеду в Казань без тебя.

В комнате стало тихо.

Через несколько секунд он ответил:

— Я вообще её не трогал.

Марина продолжила складывать документы.

На следующий платёж пансионату она проверила деньги ещё раз: семьдесят тысяч лежали там же, и только после этого Марина закрыла банковское приложение.

До обследования оставалось четыре дня.

Глава 4.

Два часа

В Казани шёл дождь, мелкий и настойчивый. За десять минут от аэропорта до машины Марина успела пожалеть, что куртку положила в чемодан, Андрей — сообщить, что прогноз обещал облачно, а водитель такси — объяснить им обоим, что местным прогнозам верят только приезжие.

Отель оказался именно таким, каким выглядел на фотографиях: чистым, небольшим и без всякой причины гордившимся полотенцами. Кровать тоже нашлась.

— Уже хорошо, — сказал Андрей, поставив чемодан у стены.

— Не расслабляйся.

— Я вообще-то про кровать.

До клиники они дошли утром пешком. Марина заранее проверила маршрут, потом ещё раз посмотрела его перед выходом и всё равно включила навигатор — не потому, что боялась заблудиться, а потому, что в день обследования не хотелось принимать даже такие решения, как «направо или налево».

В регистратуре попросили паспорт, заключение московского врача и результаты анализов. Девушка за стойкой просмотрела документы, что-то отметила в компьютере и протянула Марине пластиковую папку.

— Сначала диагностика, потом хирург. Всё на втором этаже.

— Сегодня скажут дату?

— Если доктор подтвердит операцию — да.

Последние слова Марина услышала особенно хорошо.

Андрей устроился в коридоре с телефоном, а её почти на два часа забрали кабинеты. Таблицы, аппараты, капли, после которых свет становился неприятно ярким, просьбы смотреть на зелёную точку, красную точку, прямо, вверх, вниз и не моргать именно тогда, когда больше всего хотелось моргнуть.

На одном из исследований медсестра сказала:

— Голову не отводим.

— Я не отвожу.

— Уже отвели.

Марина вернула подбородок на подставку.

К концу обследования зрение стало казаться отдельной работой, которую она выполняет плохо и без соответствующей квалификации.

Хирургом оказалась Татьяна Леонидовна, женщина лет сорока с приятным открытым лицом и аккуратно собранными волосами. Внешность располагала к разговору, но сама она, похоже, не собиралась тратить время ни на расположение, ни на успокоительные формальности.

Она внимательно просмотрела результаты обследования, задала несколько коротких вопросов, затем сама ещё раз осмотрела глаз. Пока работала с аппаратом, говорила только то, что требовалось Марине сделать:

— Подбородок выше.

Марина поправила положение.

— Теперь прямо. Не зажимайте глаз.

Осмотр закончился, и Татьяна Леонидовна вернулась к столу.

— Операция нужна.

Голос оставался спокойным, почти ровным. Не холодным — просто в нём не было ни одного слова, которое не относилось к делу.

— Я поняла.

— Тянуть не будем. Есть место через семь дней.

Марина посмотрела на лежащий между ними календарь.

— Раньше нельзя?

— Раньше у меня нет операционного дня. Через семь дней по срокам укладываемся.

— А если ничего не делать?

Татьяна Леонидовна подняла глаза.

— Мы как раз собираемся делать.

— Мне в Москве сказали...

Марина остановилась. Повторять вслух слова о том, что зрение можно потерять необратимо, в светлом кабинете с горшком какого-то особенно здорового фикуса оказалось неловко.

— Сказали, что очень срочно.

— Срочно, — подтвердила Татьяна Леонидовна. — Поэтому и назначаем.

Она развернула к Марине лист с датой.

— Приходите утром натошак. Перед операцией ещё раз всё проверим. Само вмешательство обычно недолгое, ориентируйтесь примерно на пятнадцать минут. После побудете под наблюдением.

— Пятнадцать?

— Около того.

Марина посмотрела на дату и время.

Неделю назад она не знала, что одним глазом почти ничего не видит. Теперь у этого глаза было назначение на четверг, девять тридцать.

— Хорошо.

— Вопросы?

Марина выбрала те, на которые можно было получить конкретный ответ: когда перестать есть, какие капли продолжать, какие документы принести и когда можно будет лететь домой.

Татьяна Леонидовна отвечала так же, как осматривала: коротко, точно, без обещаний, которые нельзя гарантировать. Когда всё необходимое было сказано, она сделала отметку в карте и нажала кнопку вызова следующего пациента.

Андрей ждал у окна.

— Ну?

Марина протянула ему лист.

Он прочитал дату.

— Значит, остаёмся.

— Для этого мы и бронировали гостиницу.

— Я пытаюсь поддержать разговор.

— Получается.

Он посмотрел ещё раз на бумагу.

— Что сказала?

— Через неделю. Минут пятнадцать.

— Всё?

— А что ты хотел?

— Чтобы она как-то... не знаю. Успокоила.

Марина застегнула папку.

— Она не для этого.

— А кто для этого?

— Ты.

— А я, между прочим, бесплатно.

— Вот поэтому качество нестабильное.

Андрей усмехнулся и убрал телефон в карман.

По дороге в отель они зашли в аптеку за каплями. У кассы Марина увидела стойку с конвертами, пакетами для отправлений и небольшими складными коробками. Несколько секунд смотрела на них, потом сняла одну — самую маленькую, почти такую же, какие каждый день проходили через её руки в ПВЗ.

— Что отправляем? — спросил Андрей.

— Пока ничего.

Он хотел что-то сказать, но перед ними освободилась касса.

Вечером Андрей работал за маленьким столом у окна. Сначала провёл созвон, потом ещё один, после чего клиент, судя по голосу из наушников, попросил «буквально одну маленькую правку», которая заняла у Андрея сорок минут.

Марина лежала поверх покрывала и читала сообщения в телефоне. Лиза спрашивала, как прошло обследование.

Операция через неделю.

Ответ появился почти сразу.

Точно нужна?

Марина набрала:

Да.

Через несколько секунд пришло:

Я тебе вечером позвоню.

Марина поставила телефон рядом.

На тумбочке лежала сложенная коробка.

Она старалась на неё не смотреть примерно до девяти вечера, что не мешало коробке оставаться на месте.

Когда Андрей наконец закрыл ноутбук и ушёл в душ, Марина достала из гостиничной папки лист бумаги. На нём было название отеля и тонкая серая линия внизу. Другого под рукой не оказалось.

Первое обращение она написала сразу.

Солнышко.

Дальше ручка остановилась.

Марина не собиралась писать завещание. Не собиралась объяснять дочери, кто виноват, почему она столько работала и как вообще получилось, что двадцать пять лет отношений между двумя людьми однажды поместились на гостиничном листке.

Несколько минут она смотрела на слово «Солнышко», потом продолжила.

Мне кажется, мы всё откладываем главный разговор. Я люблю тебя. Всегда любила. Что бы между нами ни случилось, ты моя дочь.

Мама.

Она прочитала текст один раз, перевернула лист и снова положила перед собой.

Ничего добавлять не хотелось.

Андрей вышел из ванной, вытирая волосы полотенцем.

— Работаете?

— Нет.

Он увидел лист.

— Лизе?

— Да.

— Что случилось?

— Ничего.

— Марин.

Она сложила бумагу пополам.

— Если всё нормально, ничего не случится.

Андрей сел на край кровати.

— А если ненормально?

— Поэтому и пишу.

Он помолчал, потом заметил коробку.

— Ты серьёзно?

— Что?

— Там один листок.

— Я вижу.

— Почему не конверт?

Марина разложила картон, согнула боковые клапаны и собрала дно. Пальцы сами нашли нужную последовательность.

— Так будет видно, что Лиза получила.

Андрей больше не спорил.

Листок лёг на дно почти невесомо. Марина закрыла коробку, проклеила её купленным скотчем и написала сверху имя дочери.

Лиза.

Ни адреса, ни наклейки, ни кода отправления пока не было.

— Возьми её себе, — сказала она.

— Куда?

— Куда хочешь. Только не потеряй.

— Спасибо за доверие.

— Зарядку ты пока не потерял. Я вижу прогресс.

На этот раз Андрей не улыбнулся.

— Что делать с коробкой?

Марина проверила, не отклеился ли угол скотча.

— Если я выйду — отдашь мне обратно.

— А если нет?

Вопрос прозвучал тише, чем всё, что они говорили до этого.

— Отправишь Лизе.

Он долго смотрел на коробку, потом всё-таки взял её.

— Хорошо.

Марина хотела сказать, чтобы он не драматизировал, но вовремя поняла, насколько это будет нелепо.

Коробка до операции стояла в его чемодане между двумя рубашками.

Остаток недели прошёл удивительно обычно.

Марина работала удалённо с тем, что могла сделать без постоянного взгляда в рабочую систему, ходила пешком вокруг отеля, несколько раз созванивалась с пансионатом и каждый вечер капала глаз по расписанию. Андрей почти всё время был рядом физически и примерно половину этого времени — где-то внутри своих проектов.

Лиза звонила чаще обычного.

Она не расспрашивала о страшных вариантах, вместо этого проверяла практическое:

— Тебе точно ничего не надо привезти?

— Из Москвы в Казань?

— Я вообще спрашиваю.

— Не надо.

— Андрей там?

— Здесь.

— Тогда ладно.

Накануне операции Марина написала дочери время.

Завтра к девяти. Обещают минут пятнадцать. Потом позвоню.

Лиза ответила:

Сразу.

Следом пришло ещё одно сообщение:

Не забудь.

Марина написала:

Не забуду.

Утром в клинике Андрей пытался говорить о чём угодно, кроме операции. За десять минут он успел обсудить погоду, кофе в автомате, чей-то неудачный логотип на стенде и клиента, который вечером прислал ему голосовое на семь минут с формулировкой «тут буквально два замечания».

— Ты нервничаешь? — спросила Марина.

— Нет.

— Тогда ты обычно говоришь меньше.

— Я тебя отвлекаю.

— Получается наоборот.

Он замолчал ровно на полминуты.

Перед операционным блоком Марину забрала медсестра. Пришлось переодеться, убрать волосы, снять серьги и ещё раз назвать фамилию, дату рождения и какой глаз будут оперировать.

К этому моменту Марина была готова сообщить всё, включая девичью фамилию матери и номер договора с пансионатом, лишь бы процесс наконец начался.

Татьяна Леонидовна появилась ненадолго — уже в операционной форме и шапочке. Без привычной одежды она казалась младше, но выражение лица осталось тем же: спокойным, собранным и совершенно не заинтересованным в том, чтобы изображать спокойствие специально для пациента.

— Как себя чувствуете?

— Нормально.

Она посмотрела карту.

— Хорошо. Работаем. Ориентировочно минут пятнадцать, возможно немного дольше.

— Поняла.

Татьяна Леонидовна уже собиралась выйти, но Марина спросила:

— Вы волнуетесь?

Хирург посмотрела на неё.

— Нет.

И добавила после короткой паузы:

— Вам тоже сейчас не надо.

Сказано это было не ласково и не строго — просто как ещё одна медицинская инструкция.

Почему-то именно она подействовала.

В операционной главным оказался свет — яркий, белый, слишком близкий. Лиц вокруг почти не было видно, только голоса, движение и ощущение, что над тобой постоянно что-то происходит, а участвовать требуется в основном неподвижностью.

— Смотрим прямо, — сказала Татьяна Леонидовна.

Марина смотрела.

— Голову не двигаем.

Сначала всё действительно было терпимо. Чувствовались прикосновения, давление, вода, но боли не было, и Марина успела решить, что пятнадцать минут можно выдержать почти что угодно.

Потом глаз начал чувствовать.

Сначала едва заметно, словно обезболивание просто стало слабее. Через несколько секунд ощущение сделалось слишком отчётливым.

— Татьяна Леонидовна, я чувствую.

— Сейчас.

Что-то закапали или добавили — Марина не поняла. Почти сразу стало легче.

Она снова смотрела в свет.

Через некоторое время всё повторилось.

— Я опять чувствую.

— Добавляем.

Голос Татьяны Леонидовны не изменился. Ни раздражения, ни тревоги, ни попытки успокоить — только действие.

Обезболивание помогало, потом словно отпускало снова. Марина перестала понимать, сколько раз это происходило. Два? Четыре? Больше? Каждый раз она сначала пыталась потерпеть, чтобы не мешать, и каждый раз в какой-то момент понимала, что терпеть уже не надо.

— Чувствую.

— Поняла.

И снова становилось легче.

Пятнадцать минут давно закончились.

Марина не знала, прошло сорок минут или час. Время без часов и привычных ориентиров распалось: его можно было измерять тем, сколько раз она успела почувствовать глаз, сколько раз Татьяна Леонидовна просила не двигаться и сколько раз кто-то рядом менял инструмент.

Потом изменились голоса.

Никто не сказал, что что-то пошло не так. Именно поэтому Марина насторожилась.

— Стоп.

Пауза.

— Ещё раз.

Кто-то подошёл ближе.

— Марина Сергеевна, голову не двигаем.

— Я не двигаюсь.

— Хорошо. Продолжаем.

Через какое-то время Татьяна Леонидовна сказала:

— Сейчас меняем тактику.

Что именно меняли, Марине не объяснили.

Разговоров стало меньше. Несколько раз наступала тишина, в которой слышалась аппаратура и её собственное дыхание. Потом снова короткие команды, просьба посмотреть чуть левее, не двигаться, расслабить руку.

Обезболивание опять начало отпускать.

На этот раз Марина сказала сразу:

— Чувствую.

— Уже добавляем.

Она лежала неподвижно, но всё тело давно перестало соглашаться с необходимостью лежать. Затекала спина, хотелось сглотнуть, почесать нос, пошевелить плечом. Под операционной шапочкой было жарко. Пот стекал по вискам куда-то к ушам, по шее, между лопатками, но вытереть лицо было невозможно.

— Татьяна Леонидовна, всё нормально?

На секунду стало тихо.

— Работаем.

Никаких «не волнуйтесь» не последовало.

После этого Марина больше не спрашивала.

Она думала о гостинице, где на стуле осталась кофта. О том, выключил ли Андрей зарядку из розетки. О Лизе, которая ждёт звонка после обещанных пятнадцати минут и наверняка уже смотрит на часы.

Потом вспомнился пансионат.

Следующий платёж лежал на отдельном счёте, его хватит на месяц. А дальше платить будет некому.

Если она умрёт, кто заплатит за пансионат матери?

Мысль пришла почти деловая, как вопрос, который забыли внести в список перед поездкой.

Мать даже не поймёт, что Марина умерла. Ей можно будет сказать, через пять минут повторить — и всё исчезнет. А счёт на семьдесят тысяч в следующем месяце всё равно придёт.

— Марина Сергеевна, руку расслабьте.

Только тогда она заметила, что сжала пальцы до боли.

Разжала.

Пот уже стекал под шапочкой по волосам. Марина чувствовала влажную прядь возле шеи и неожиданно подумала, что после операции первым делом придётся мыть голову.

Мысль была настолько обычной, что за неё хотелось держаться.

Татьяна Леонидовна наконец сказала:

— Закончили.

Марина не сразу поверила.

Её вывели из операционной, помогли присесть и накрыли одеялом. Глаз был закрыт, голова казалась тяжёлой, а волосы под снятой шапочкой оказались мокрыми насквозь. Марина провела ладонью по затылку — ладонь стала влажной.

Волосы можно было выжимать.

— Сколько времени? — спросила она.

Медсестра посмотрела на часы.

— Почти два часа.

Марина хотела ответить, но в этот момент начала дрожать.

Сначала задрожали руки. Она спрятала их под одеяло, однако через несколько секунд дрожь пошла выше — в плечи, спину, ноги. Зубы ещё не стучали, но тело уже мелко тряслось целиком, совершенно независимо от того, что сама Марина лежала спокойно и прекрасно понимала, где находится.

Медсестра поправила одеяло.

— Холодно?

— Нет.

Это было самое странное.

Ей не было холодно.

Татьяна Леонидовна подошла позже, когда дрожь немного отпустила. Шапочку она уже сняла, волосы снова были собраны, и только усталость вокруг глаз выдавала, что почти два часа прошли не только у Марины.

— Всё прошло не так, как предполагали, — сказала она. — Пришлось изменить ход операции.

— Что случилось?

— Во время удаления хрусталика возникло осложнение.

Марина ждала продолжения.

— Сейчас глаз стабилен.

— А видеть буду?

Татьяна Леонидовна не отвела глаз.

— Сейчас этого вам никто честно не скажет. На осмотре посмотрим.

Ни обещаний, ни попытки утешить.

Марина кивнула, хотя тело всё ещё иногда пробирала мелкая дрожь.

Татьяна Леонидовна напомнила про режим, капли и время следующего осмотра, но Марина удержала только главное.

Сейчас глаз стабилен.

Глава 5.

Двадцать три звонка

Телефон Андрей принёс раньше, чем Марина успела попросить.

Она ещё лежала под одеялом, которое медсестра подтянула почти до подбородка. Дрожь стала слабее, но время от времени возвращалась короткой волной от плеч вниз, словно тело продолжало делать что-то своё и не считало нужным её предупреждать.

Андрей появился в дверях, увидел её и на секунду остановился.

Обычно он умел подобрать выражение лица раньше, чем слова. Сейчас не успел.

— Ну что? — спросила Марина.

Он подошёл ближе.

— Ты как?

— Вижу тебя.

— Это уже очень неплохо.

— Одним глазом.

— Марин.

— Что?

— Давай хотя бы пять минут без статистики.

Телефон в его руке снова завибрировал.

Андрей посмотрел на экран.

— Лиза.

— Дай.

Он не сразу протянул телефон.

— Тебя ещё трясёт.

— Разговаривать не мешает.

На экране было двадцать три пропущенных вызова от Лизы. Несколько раз она звонила Андрею, потом снова Марине.

Двадцать четвёртый звонок пришёл прямо у неё в руке.

Марина ответила.

— Мам?

— Я.

Лиза ничего не сказала. Марина слышала только её дыхание.

— Лиз?

— Да. Я здесь.

Голос был спокойный, но слишком аккуратный. Так Лиза говорила, когда очень старалась не показывать, что с ней происходит.

— Всё закончилось, — сказала Марина.

— Я поняла. Ты можешь говорить?

— Могу.

— Хорошо. Тогда скажи по порядку. Что случилось?

Марина посмотрела на Андрея. Тот отошёл к окну.

— Операция затянулась. Возникло осложнение. Татьяна Леонидовна сказала, что с ним справились.

— С глазом сейчас всё стабильно?

— Да.

— Зрение?

— Завтра будет понятно больше.

Лиза помолчала.

— Ты одна сейчас?

— Андрей здесь.

— Врач к тебе ещё придёт?

— Да.

— Тебя отпустят сегодня или оставят?

— Пока не знаю.

— Хорошо.

Она говорила так, будто собирала ответы в таблицу, из которой наконец можно было понять, что произошло за последние два часа.

— Ты в клинику звонила? — спросила Марина.

— Да.

— Зачем?

— Потому что сначала прошло полчаса. Потом час. Потом полтора. Ты не отвечала. Андрей тоже сначала не отвечал. В клинике мне сказали, что информацию по телефону не дают.

— Лиз...

— Всё нормально. Я понимаю.

Нормально не было. Именно поэтому фраза прозвучала так ровно.

— Я могу прилететь сегодня, — сказала Лиза. — Я уже посмотрела билеты.

— Не надо.

— Я не говорю, что обязательно прилечу. Мне нужно понять, тебе это нужно или нет.

— Нет. Андрей со мной. Завтра осмотр.

— Точно?

— Точно.

Лиза снова помолчала.

— Тогда я не поеду. Но завтра после врача позвони мне сразу. Не сообщение. Позвони.

— Позвоню.

— Даже если всё хорошо.

— Даже если всё хорошо.

— Хорошо.

Она опять замолчала.

Марина ждала.

— Мам?

— Что?

— Я очень испугалась.

Три слова Лиза произнесла быстро, почти неразборчиво, словно все предыдущие вопросы были значительно проще.

— Я поняла.

— Нет, не надо ничего говорить. Просто телефон держи рядом, ладно?

— Ладно.

— Всё. Отдыхай.

Она отключилась первой.

Андрей подвинул стул.

— Двадцать три раза.

— Я умею считать.

— Я не в этом смысле.

Марина положила телефон на одеяло.

— А в каком?

Он немного подумал.

— Ни в каком.

И впервые за день выбрал правильный ответ.

Татьяна Леонидовна пришла ещё раз ближе к вечеру.

Марина уже не дрожала, только чувствовала странную слабость, как после очень высокой температуры, которой на самом деле не было. Волосы высохли сами и теперь лежали вокруг головы в том порядке, который обычно требовал немедленного вмешательства зеркала.

Татьяна Леонидовна посмотрела карту, задала несколько вопросов и проверила повязку.

— Сегодня отдыхаете. Завтра утром осмотр.

— А сейчас ничего нельзя понять?

— Сейчас можно понять, что операция закончена и состояние стабильное.

— А зрение?

— Завтра.

Марина кивнула.

С Татьяной Леонидовной быстро выяснялось, что один и тот же вопрос, заданный другими словами, нового ответа не производит.

— Вы сами сколько думали, что всё займёт? — спросила Марина.

Татьяна Леонидовна подняла глаза.

— Меньше.

Это было максимумом подробностей, которые Марина получила.

— Почему так долго?

— Возникло осложнение. Пришлось изменить ход операции.

— Анестезия всё время отпускала.

— Я знаю.

Ответ прозвучал просто, без защиты.

Марина почему-то перестала сердиться.

Татьяна Леонидовна закрыла карту.

— До завтра никаких выводов. Ни хороших, ни плохих.

— Я поняла.

— Вот и хорошо.

У двери она встретила с Андреем, который возвращался с пакетом.

— Ей можно есть? — спросил он.

— Можно.

— Всё?

Татьяна Леонидовна посмотрела на пакет.

— Смотря что вы купили.

Андрей заглянул внутрь, будто впервые решил выяснить.

— Йогурт. Банан. Что-то ещё.

— Тогда можно.

Когда дверь закрылась, Марина посмотрела на него.

— «Что-то ещё» — сильная продуктовая категория.

— Я был в стрессе.

— Ты был в магазине.

— Одно другому не мешает.

Он достал воду, йогурт, два банана, пачку печенья и пластиковую ложку.

— Ложку я взял специально.

— Горжусь тобой.

— Рано. Я ещё пакет не разобрал.

Марина съела половину йогурта и отставила баночку.

Через некоторое время Лиза написала:

Как ты? Только не отвечай сразу, если спишь.

Потом:

Врач ещё приходила?

Марина набрала:

Приходила. Всё стабильно. Завтра осмотр.

Ответ появился почти сразу.

Хорошо. Тогда отдыхай. Я утром напишу.

Через минуту пришло ещё одно сообщение:

Люблю тебя.

Марина несколько секунд смотрела на экран.

Написала:

Я тебя тоже.

И только после отправки вспомнила про коробку.

Она лежала в гостинице, в чемодане Андрея между двумя рубашками, а внутри был единственный листок, который должен был отправиться Лизе, если Марина не выйдет из операционной.

Марина вышла.

Значит, отправлять коробку было незачем.

Она положила телефон экраном вниз.

Утром Татьяна Леонидовна сняла повязку.

Марина заранее решила ничего от себя не ждать. Решение продержалось примерно секунду.

Свет ударил сразу, и она зажмурилась.

— Не торопитесь, — сказала Татьяна Леонидовна. — Откройте.

Марина открыла глаз.

Сначала всё было белёсым. Потом из света начали собираться крупные формы: край аппарата, халат, тёмная линия волос Татьяны Леонидовны. Лицо ещё расплывалось, но оно было.

Марина замерла.

Татьяна Леонидовна подняла руку.

— Сколько пальцев?

— Три.

— Хорошо.

— А вчера я бы не увидела.

— Вчера была операция.

— Я про до неё.

— Понимаю.

Осмотр продолжился. Татьяна Леонидовна говорила мало, время от времени просила посмотреть вверх или в сторону. После всего, что происходило накануне, обычное «смотрите прямо» звучало почти дружелюбно.

— На сегодня всё спокойно, — сказала она наконец.

Марина почувствовала, как внутри отпустило что-то, что всю ночь она считала уже отпущенным.

— Видеть буду?

— Сейчас вы уже видите.

— Я имею в виду нормально.

— Восстановление оценивают не на следующий день после такой операции. Наблюдаем.

— То есть прогноз?

Татьяна Леонидовна посмотрела на неё.

— Лучше, чем вчера вечером.

Марине этого хватило.

Возле кабинета Андрей встал так резко, будто всё это время сидел только формально.

— Ну?

— Вижу.

Он посмотрел на неё несколько секунд, потом кивнул.

— Отлично.

Без «я же говорил», без «мы справились», без обещаний, что теперь всё будет хорошо.

— Лизе позвони, — сказал он.

Марина успела отправить дочери только одно слово:

Вижу.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Ну? — спросила Лиза.

— Вижу тебя сейчас очень хорошо, — сказала Марина, глядя на Андрея.

— Это не медицинский показатель. Что сказала врач?

Марина почти дословно пересказала слова Татьяны Леонидовны: сегодня всё спокойно, восстановление оценивают не на следующий день, дальше нужно наблюдать.

— Хорошо, — сказала Лиза. — Значит, сейчас ничего не решаем и ждём следующий осмотр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.